

Ах, музыкант, мой музыкант...

Памяти Виктора Берковского

Михаил Поздняев

После тяжелой болезни скончался Виктор Семенович Берковский – один из корифеев авторской песни. В отличие от других «отцов-основателей», сам он стихов не писал, но благодаря Берковскому сложилась уникальная антология русской лирики XX века. «Стихи для узкого круга» были наизусть заучены страной – как в XIX веке строки многих авторов, став романсами, «ушли в народ».

«Гренада», «Лошади в океане», «Вспомните, ребята!», «Ну, что с того, что я там был»... А еще «Под музыку Вивальди», «Апрель, апрель на улице»... А еще «Спляшем, Пегги, спляшем», «На далекой Амазонке»... И еще двести песен, и ни к одной даже самый лютый ненавистник пения под гитару вокруг костра не придерется. Ни по части стихов, ни – что еще ценнее – по части музыки.

Берковский был прирожденный мелодист, но музыкального образования не имел. Играл на старомодной семиструнке ну никак не виртуозно, да и облик имел неартистический. Голос несильный, хрипловатый, фигура боцмана или грузчика, косолапая походка. А тут еще выяснялось: по специальности он инженер-металлург, профессор Института стали и сплавов. Короче, КСП и есть КСП... Но когда Берковский брал первые аккорды и напевал начальную строку, с печалью глядя в зал – становилось очевидно: ангел не выбирает, кого поцеловать в темечко, муза не думает, кому напеть в ухо мелодию. И еще казалось – Берковский стихами Давида Самойлова говорит и о себе самом:

*Шуберт Франц не сочиняет –
Запоется – запоет.
Он себя не подчиняет,
Он себя не продает.*

Его друг Юрий Левитанский писал в предисловии к одному из дисков Берковского, что «он замечательно владеет редко кому доступным искусством правильного прочтения поэзии, прочтения точного, с тонким пониманием всех ее смысловых и звуковых нюансов». Но ведь важно еще попасть в одну тональность со слушателем – и Берковский чудом не впал в соблазн потрафления вкусам публики. Верно кем-то замечено: «попса» – это умение угадать,

чего почтеннейшая публика изволит. Виктор Берковский полвека поражал публику вот именно точным, точечным, всегда непредсказуемым и всегда безусловным прочтением. Так он «попал в точку», сочинив в начале 80-х песню на стихи Киплинга в переводе Симонова – и она прозвучала как песня о нашей, а не киплинговской и не симоновской, войне:

*Брод, брод, брод через Кабул,
Брод через Кабул и темнота...
Обмелеют летом реки,
Но не всплыть друзьям вовеки, –
Это знаем мы, и брод, и темнота.*

«Попаданием в точку» была и «Гренада», пережившая эпоху романтизации революции, а затем и годы ее ниспровержения. Берковский, упрямо продолжая и сегодня ее петь, будто говорил: «Да какая там, ребята, революция... Пацана убили за красивую мечту – вот печаль...» Или пример из другого ряда – песня на стихи Иосифа Бродского, костерившего бардов в хвост и в гриву, в принципе не перелагаемого на музыку:

*Пролитую слезу
Из будущего привезу,
Вставлю ее в колечко.
Будешь гулять одна –
Надевай его на
Безымянный, конечно...*

Чудо песен Берковского в газетном тексте не воспроизведешь. Но можно продолжать цитирование стихов – и слышать его голос, его интонацию. А еще лучше – поставить его диск и невольно ему подпеть:

*Ах, музыкант, мой музыкант!
Играешь, да не знаешь,
Что нет печальных,
и больных, и виноватых нет...*

И, вместе с ним так напевая, забыть о смерти.